

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 135–141

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 135–141

<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2025-25-2-135-141>, EDN: AQWNAO

Научная статья

УДК 821.112.2.09

Внутренняя речь персонажа как способ проникновения «воображаемого» в «реальное» (на материале рассказа М. Л. Кашнитц «Соломинка»)

М. Г. Алексеева, В. А. Фролова ✉

Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова, Россия, 428015, г. Чебоксары, Московский пр-т, д. 15

Алексеева Марина Геннадьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков № 2, margennal@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2626-1087>

Фролова Вера Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков № 2, frvera@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8097-0060>

Аннотация. Статья посвящена установлению специфической роли внутренней речи в художественном тексте как инструмента внедрения нереального в реальный мир на примере короткого рассказа М. Л. Кашнитц «Соломинка». Авторы опираются на идею речевых позиций во внутренних диалогах героини с отсутствующими или потенциальными собеседниками; на концепцию деятельностного молчания, которое фактически означает воплощение замысла героини; на идею о перестраивании сущности «я» в сложно организованном процессе автокоммуникации. Авторы исследования используют метод сплошной выборки, собственно лингвистический анализ текста и метод литературоведческого анализа художественного текста. В исследовании ставится цель раскрыть роль внутренней речи в изменении видения персонажем действительности, в проникновении «нереального» в «реальное». Подробно анализируется содержательное наполнение монологической и диалогической форм внутренней речи в художественном тексте. Особое внимание уделяется многообразию адресатов во внутренних диалогах, выбор которых, как показывает анализ, чаще всего крайне отрицательно воздействует на самовосприятие и самооценку главной героини, разрушая ее «самость». Выявляются ассоциативные ряды, сравнения с неодушевленными объектами, возникающие в интраперсональной коммуникации как следствие качественной трансформации сообщения, например сравнение с соломенным чучелом, символизирующим все отжившее и ушедшее. Прослеживается нарастание деперсонификации героини рассказа, что происходит также с помощью переосмысления и перестраивания системы личных местоимений, где опорное местоимение внутренней речи «я» заменяется индифферентным местоимением «она». Героиня утрачивает свою «самость», теряет индивидуальные черты, и «воображаемое» приближается к «реальному».

Ключевые слова: немецкий язык, внутренняя речь, «реальное», «нереальное», деперсонификация, сравнение, личные местоимения, М. Л. Кашнитц

Для цитирования: Алексеева М. Г., Фролова В. А. Внутренняя речь персонажа как способ проникновения «воображаемого» в «реальное» (на материале рассказа М. Л. Кашнитц «Соломинка») // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 135–141. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2025-25-2-135-141>, EDN: AQWNAO

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The inner speech of a character as a way of penetrating the “imaginary” into the “real” (based on the material of the story by M. L. Kashnitz *The Straw*)

M. G. Alexeeva, V. A. Frolova ✉

I. N. Ulyanov Chuvash State University, 15 Moskovskiy Ave., Cheboksary 428015, Russia

Marina G. Alexeeva, margennal@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2626-1087>

Vera A. Frolova, frvera@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8097-0060>

Abstract. The article deals with establishing the specific role of inner speech in a literary text as a tool for introducing the unreal into the real world, based on the example of the short story by M. L. Kashnitz *The Straw*. The authors rely on the idea of speech positions in the heroine's internal dialogues with the absent or potential interlocutors; on the concept of active silence, which in fact means the actualization of the heroine's idea; on the idea of restructuring the essence of the “I” in a complex process of autocommunication. The authors of the study use the continuous sampling method, the linguistic analysis of the text itself and the method of literary analysis of the literary text. The research aims to reveal the role of inner speech in changing how the character perceives the reality, in the penetration of the “unreal” into the “real”. The content of the forms of monologue and dialogue of inner speech in a literary text is analyzed in detail. Special attention is paid to the diversity of addressees in internal

dialogues, the choice of which, as the analysis shows, most often has an extremely negative effect on the self-perception and self-esteem of the main character, destroying her "self". Associative series, comparisons with inanimate objects that arise in intrapersonal communication as a result of qualitative transformation of the message are revealed, for example, a comparison with a straw scarecrow symbolizing everything obsolete and gone. There is an increase in the depersonification of the heroine of the story, which also occurs through reconsidering and restructuring of the system of personal pronouns, where the basic pronoun of the inner speech "I" is replaced by the indifferent pronoun "she". The heroine loses her "self", loses individual traits, and the "imaginary" approaches the "real".

Keywords: German language, inner speech, "real", "unreal", depersonification, comparison, personal pronouns, M. L. Kaschnitz

For citation: Alexeeva M. G., Frolova V. A. The inner speech of a character as a way of penetrating the "imaginary" into the "real" (based on the material of the story by M. L. Kaschnitz *The Straw*). *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 135–141 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2025-25-2-135-141>, EDN: AQWNAO

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Статья посвящена определению роли внутренней речи в актуализации «воображаемого» на материале короткого рассказа немецкоязычного автора Марии Луизы Кашнитц «Соломинка» (Marie Luise Kaschnitz "Der Strohalm") из серии рассказов «Длинные тени» ("Lange Schatten") [1, с. 111–121]. Объектом нашего исследования является внутренняя речь главной героини, представленная в диалогической и монологической формах. Диалогическая природа человеческого сознания, непреходящая ценность интраперсональной коммуникации обуславливают актуальность исследования. Целью статьи является попытка раскрытия потенциала внутренней речи персонажа художественного текста в активизации «нереального» и его внедрении в реальную действительность. Установление и комплексный анализ средств, обеспечивающих подобную активизацию «нереального», составляют новизну исследования. Комплексное изучение роли внутренней речи литературного персонажа в аспекте демонстрации трансформационных процессов, касающихся самовосприятия и самооценки, обуславливает теоретическую значимость работы. Результаты исследования могут найти свое практическое применение в таких лингвистических дисциплинах, как интерпретация художественного текста и лингвистика текста.

В работе предпринимается попытка раскрытия специфической роли внутренней речи в художественном тексте, проявляющем черты психологизма, в тексте, изображающем внутреннюю жизнь человека, смену душевных состояний, анализирующем свойства личности. Специфическая роль внутренней речи в рассматриваемом художественном тексте заключается, с нашей точки зрения, в том, что она выступает в качестве связующего элемента между реальностью и воображением, находится в позиции двоемирия, активизирует

нереальное и способствует его проникновению в реальную действительность.

Для достижения поставленной цели в работе использовались теоретические и практические методы исследования: анализ теоретических источников, метод сплошной выборки художественного текста, лингвистический анализ контекстуальных блоков художественного текста, метод литературоведческого анализа текста.

Опираясь на классические работы М. Я. Блоха, Ю. М. Лотмана, Ю. С. Степанова, мы предполагаем, что полифония внутренних монологов и внутренних диалогов в рассказе «Соломинка», смещение вектора в системе личных местоимений (с первого лица на третье лицо), сопровождающееся соответствующими деперсонификацией, ассоциациями и сравнениями с неодушевленными объектами, перестраивает личность главной героини, необратимо меняет ее сущность, впускает воображаемый мир в мир реальный.

Понятие внутренней речи связано, прежде всего, с фундаментальными психолингвистическими исследованиями. Так, Л. С. Выготский раскрывает в своей фундаментальной работе «Мышление и речь» развитие представлений ученых об этом феномене, определяет внутреннюю речь как вербальную память, как прямую речь, как все то, что предшествует моторному акту говорения [2, с. 314–316]. Ключом к пониманию внутренней речи выступает по Л. С. Выготскому эгоцентрическая речь, а также такая характеристика внутренней речи, как преобладание смысла слова над его значением. Принципиально важным является и использование внутренней речи как средства изменения и развития когнитивных функций [2, с. 319–353]. Значительный вклад в исследование внутренней речи внесли также отечественные психологи П. Я. Гальперин [3], Н. И. Жинкин [4], А. Р. Лурия [5] и А. А. Леонтьев [6].

Современные исследования, как отечественные, так и зарубежные, анализируют феномен внутренней речи с точки зрения лингвистического, литературоведческого, медицинского, психологического и смежных подходов. Так, С. Маккарти-Джоунс и Фелихо анализируют разновидности внутренней речи в психологическом аспекте, описывают ее формы и функции, например оценивающую и мотивирующую, устанавливают, что актуализация данных функций указывает на состояние тревоги и беспокойства опрошенных информантов (цит. по: [7, с. 64]). О связи определенных эмоциональных состояний (тревога, уныние, депрессия, гнев), заниженной самооценки и появлении внутренней речи свидетельствуют и результаты других психологических экспериментов (цит. по: [7, с. 65–66]). С. Ю. Лаврова и Л. А. Ермакова подвергают лингводискурсивному анализу вербализованную внутреннюю речь персонажа художественного произведения с целью выявления специфики организации внутренней речи персонажа как базового способа создания художественного дискурса [8]. Роль внутренней речи в функционировании языка, особенности и свойства этого явления исследует М. А. Корниенко [9].

Художественный текст, исследуемый в настоящей статье с использованием методов лингвистического и контекстуального анализа текста, принадлежит циклу рассказов М. Л. Кашнитц, написанному в 1960 г. Для этих рассказов характерны поэтичность, тонкий психологизм, внутренняя напряженность и философская глубина [10]. Писательница демонстрирует глубокое знание психологии человека, в ряде ее рассказов – “Gespenster“, “Eines Tages, Mitte Juni“, “Eisbären“ – психологическое граничит с мистическим, эмоциональное состояние героев выступает в них как детерминанта внешних, на первый взгляд никак не связанных с героями событий. Психологизм рассказа «Соломинка» проявляется, прежде всего, в способе изображения душевных состояний главной героини посредством определенного художественного приема – внутренней речи (см. подробнее определение *Психологизма и Внутреннего монолога* [11]). Здесь следует отметить, что внутренняя речь, изображаемая авторами художественных текстов, представляет собой, как правило, зафиксированный в форме «чужой речи» нормативно обработанный материал [8, с. 98], поскольку как психолингвистический

феномен внутренняя речь практически не поддается воспроизведению [12, с. 6]. Короткий рассказ М. Л. Кашнитц написан почти полностью в форме внутренней речи – монологической и диалогической. При внешней статичности и минимальном количестве реальных действий главной героини, переживающей возможную измену своего супруга, рассказ обнаруживает высокую динамичность, быструю сменяемость душевных состояний персонажа. Воображаемому отводится доминирующая позиция в ткани повествования, ведь при наличии двух реальных диалогов женщины со своим мужем более десяти диалоговых ситуаций актуализируются лишь в воображении героини.

Героиня рассказа находит в книге письмо, адресованное, как ошибочно она предполагает, ее супругу Феликсу. После прочтения первой из четырех страниц письма героиня погружается в хаос идущих сплошным потоком мыслей, который М. Л. Кашнитц мастерски изображает в форме внутренней речи. Большая часть внутренней речи представлена в рассказе в форме внутреннего монолога, «вкрапления» же внутренних диалогов, выстроенных по типизированным, стереотипным моделям, придают тексту высокую степень правдоподобия и внутреннюю динамику.

Рассмотрим содержание внутренних монологов и диалогов главной героини художественного текста более подробно. В соответствии с классификацией М. Я. Блоха и Ю. М. Сергеевой внутренний монолог в рассказе имеет актуальный персональный (ведется от первого лица) характер (см. подробнее [12, с. 29–35]), лишь воспоминания героини о празднике проводов зимы имеют ретроспективный характер [1, с. 114]. Героиня рассуждает сама с собой о предательстве мужа, пытается осмыслить отношения с ним, всматриваясь в свои мысли и чувства, глядясь и в свое отражение в зеркале, проходит путь внешней и внутренней рефлексии [1, с. 112]. Рассуждения героини об устройстве квартирного пространства после предстоящего расставания с мужем, мысли о необходимости выхода на работу отличаются обдуманностью и «выношенностью» (см. также [12, с. 35]): «...и при этом я подумала, квартиру он должен оставить мне, это было бы справедливо, в конце концов не может же он укладывать ее в мою постель, <...> Если я сохраню квартиру за собой, я смогу сдавать одну из комнат, переднюю, например, тогда можно будет поставить в угол

диван для сна, у меня как раз есть симпатичное покрывало. Шкаф нужно будет поставить в глубину комнаты, встроить в него полки для белья и купить плечики. Лампа с зеленым абажуром, ах нет, цвет не подойдет, нужно перетянуть абажур» (здесь и далее перевод наш. – *Авт.*) [1, с. 113]; «Я могу работать на моем прежнем месте, я давно могла бы выйти на работу» [1, с. 114].

Из внутреннего монолога становится очевидным, что героиня не довольна своей ролью в социуме и в семье, бытовые вопросы, такие как перетяжка абажура и замена обоев на другие, радующие взгляд, не кажутся здесь мелочью, не достойной внимания, они свидетельствуют о глубоком внутреннем диссонансе. В рассказе можно выделить также один случай использования проспективного внутреннего монолога (см. также М. М. Федорчук, цит. по: [12, с. 38]) – воображаемый уход героини из дома и поиски ее мужем. Такой монолог способствует созданию «мнимой» действительности, является «опережающим отражением» предполагаемых действий и ситуаций. Героиня рассуждает здесь о том, как она могла бы провести вечер этого злополучного дня: «Я могла бы поехать в город и посидеть в одном из кафе, ... том, в котором много зеркал, где сто тысяч раз отражается та же самая покинутая женщина, то есть я. Я могла бы листать там журналы, курить. Так можно было бы скоротать пару часов, потом можно было бы пойти в кино, один сеанс и еще один сеанс, до самой ночи. А потом ночью Феликсу пришлось бы звонить в полицию, наверное, ему было бы так неловко это делать» [1, с. 115]. Интраперсональная форма и содержание этого отрывка вскрывают чувство глубокого одиночества героини, невозможности интерперсонального общения с кем бы то ни было, чувство, «когда некуда больше пойти».

Внутренний диалог в рассказе «Соломинка» органично включается в монологическое повествование, намеренно не выделяется автором привычными кавычками, поскольку внутренний диалог – это продолжение тематических мыслительных комплексов из внутренних монологов. Описывая внутренний диалог, М. Я. Блох вводит понятие «речевая позиция», в соответствии с этим лингвист определяет понятие внутреннего диалога как воспроизведение индивидуумом в собственной речи различных речевых позиций, взаимодействующих между собой [12, с. 44]. Высокую интенсивность внутренних диалогов в рассказе можно объяснить,

следуя положениям М. Я. Блоха, отсутствием значимого собеседника, а также потребностью личности героини в общении и одновременной избирательностью этой потребности [12, с. 52–53]. В качестве адресатов внутренних диалогов (или «речевых позиций») выступают отсутствующие или потенциальные собеседники главной героини, которые, как правило, реально существуют, могут обнаруживать собирательные черты или являются нежелательными партнерами по коммуникации (см. подробнее об адресатах [12, с. 163]).

Всего в коротком рассказе зафиксировано одиннадцать воображаемых диалогов и два реальных диалога героини и ее мужа. Внутренние диалоги героини отличаются краткостью, прозрачностью и предельной искренностью (ср. также [12, с. 44]), чего нельзя утверждать о реальном общении супругов – о телефонном разговоре и беседе вечером: «Я точно помню, что я хотела ему сказать, ... но в это же мгновение такая тоска навалилась на меня из-за всего этого: печальное кафе, река и полиция, и у меня вырвались совершенно другие слова: Ах, это ты. (Фальшь в каждом звуке!) Что ты говоришь, ты не придешь на обед? (Я не могу подобрать правильный тон!) Да нет, я поняла, прекрасная погода сегодня. Не об этом речь, ты говоришь? Нет, конечно, не об этом. Я странная? В смысле странная? Нет, ничего не произошло. По крайней мере ничего, что могло бы тебя заинтересовать. Почему нет? Думаю, ты знаешь лучше, чем я» [1, с. 116]. В реальных диалогах нет места откровенному общению между супругами: «...а когда Феликс вернулся домой, я засмеялась и сказала, я так раздраженно разговаривала с тобой по телефону, голова ужасно разболелась, но слова богу, все прошло» [1, с. 117].

Молчание и замалчивание произошедшего – вот цель героини, она полагает, что произнесение вслух делает зло реальным, осязаемым: «...и Феликс ничего не должен заметить, ни в коем случае, и ни за что я не хотела заговаривать о письме, потому что я знала, слова – это что-то ужасное, и когда чему-то придают словесную форму, вот тогда это и становится явью» [1, с. 112]. Однако один раз «подуманное» также не проходит бесследно, оно небезобидно, оно изменяет и самого мыслящего человека, и его окружение. Феномен молчания (и замалчивания) подробно анализирует в своей монографии К. А. Богданов. С его точки зрения, молчание высвобождает мысль, которую человек огра-

ничивает словом. В романтической поэтике молчание может быть результатом полноценности подлинного переживания, и что важно, проживания действительности. Более того, молчание открывает дорогу к подлинной и еще более «действительной» действительности [13, с. 42, 44, 46]. Героиня рассказа М. Л. Кашнитц напрасно боится вербализации нежелательных событий, ведь, например, в фольклорно-этнографическом контексте, для того чтобы причинить вред, достаточно, как оказывается, лишь помылить последний (см. подробнее [13, с. 179]).

Внутренние диалоги рассказа «Соломинка» представляют собой самую пеструю картину адресантов и адресатов сообщения, но более чем в половине из них воображаемым коммуникативным партнером выступает супруг героини Феликс, образ которого является для нее самым значимым. Героиня представляет себе диалоги супруга с новой избранницей: «Он, наверное, потому опоздал, что сидел с ней в каком-то баре и пил что-то, и именно в эту минуту он бросил взгляд на часы и сказал: Скоро два часа, мне пора домой» [1, с. 114]; «Приготовить кровать ко сну, этому она должна тоже научиться, и бога ради, не забыть как следует взбить перину и захватить грелку, ну что ты, дорогая, я же не старик, зачем она мне» [1, с. 112].

Героиня мысленно переживает сцены прощания с супругом, она то настраивает себя на легкомысленный тон и вынужденную жизнерадостность («Но это ничего не значит, он же не видит меня. Он только слышит меня, а мой голос такой нежный и радостный. Что ты говоришь? Ты не придешь сегодня на обед? Я расстроена? Ну, нет, конечно. Нет, все в порядке. Я даже рада. <...> У тебя все хорошо, любимый? У меня? Замечательно. Такой прекрасный день. До вечера, да <...> Да, именно так я хотела это сказать, так легко и непринужденно. И в таком же тоне я хотела разговаривать с ним, когда он вернется домой» [1, с. 113]), то хладнокровно отпускает супруга в его новую счастливую жизнь («Конечно, я хотела его отпустить. Пожалуйста, уходи, удачи тебе. Я смогу и без тебя прожить. И квартира мне эта не нужна, и денег мне от тебя не надо» [1, с. 114]).

Особого внимания заслуживает внутренний диалог героини с мужем в ситуации скоропостижной смерти последнего. Героиня сравнивает, если вообще допустимо такое выражение, что же лучше для нее – уход супруга из семьи или его уход из жизни, и приходит к

мысли, что сочувствие посторонних, например соседей, было бы для нее более терпимым, если бы она осталась вдовой, а не покинутой женой-неудачницей: «Сочувствие – это как теплый бульон с капельками жира на поверхности, это ужасное самомнение, и вообще, кто такая эта госпожа Зайденшпиннер, чтобы иметь право сочувствовать мне. В случае смерти, да, так уж и быть, пусть сочувствуют, здесь участвует сам Господь Бог, никто не считает тебя неудачником, твой супруг отходит в мир иной со словами на устах, ты была для меня всем, и это всё было прекрасно» [1, с. 115].

Два внутренних диалога героини – сама героиня в роли госпожи и ее воображаемая служанка, утешающая госпожу из-за измены мужа, и обычный, ни к чему не обязывающий обмен репликами с коллегами эмоционально нейтральны, не внушают героине чувство вины и отверженности: «Не принимайте близко к сердцу, таковы все мужчины, мой был не лучше, или просто: бедная моя госпожа» [1, с. 111]; «Доброе утро, господин Шнайдер, много писем сегодня? Доброе утро, фройляйн Лили, как ваш зуб, все еще болит? Боже мой, неужели они не могут прибавить отопление? Что я хотела сказать, празднование дня рождения нашего директора...» [1, с. 114].

Актуализация всех остальных речевых позиций во внутренних диалогах – и покинутая Херта («После стольких лет супружеской жизни всегда я была ему хорошей женой, понимаете?» [1, с. 115]), и тетя Эмили с тетей Анной из глянцевого журнала с их бесполезными советами для оживления супружеских отношений («Может, по бокалу вина, любимый, так хочется сегодня праздника...» [1, с. 113]), и пересуды соседей («Вы уже слышали, бедная женщина...» [1, с. 115]) – крайне негативно влияют на героиню рассказа. Это разрушающее воздействие можно, на наш взгляд, раскрыть, взяв за основу положения Ю. М. Лотмана. В передаче коммуникации в системе «Я – Я» при сохранении одного и того же носителя информации ранг сообщения повышается. Сообщение приобретает новый смысл благодаря добавочному второму коду и сдвигу контекста. Как полагает Ю. М. Лотман, в канале «Я – Я» происходит качественное изменение информации, что приводит к перестройке самого «Я» [14, с. 24–25]. Передавая самому себе информацию, «Я» внутренне перестраивает и свою сущность, поэтому, слыша и слушая критические замечания в свой адрес, примеряя

на себя роль брошенной Херты, героиня сама вживается в эту новую роль. Этому способствует и то, что исходный текст превращается по Ю. М. Лотману в асемантическое сообщение, в сложно построенный организатор беспорядочно возникающих ассоциаций разного уровня [14, с. 35]. Сообщение-1 не уничтожается Сообщением-2, но здесь обязательно имеет место возрастание информации, ее приращение [14, с. 42].

Ассоциативные ряды в сознании героини, погруженном в процесс интраперсонального общения, запускают воссоздание образов счастливых событий прошлого, оживление воспоминаний, которые в изменившихся условиях начинают модифицироваться. В ассоциативном ряду с солнечной февральской масленицей появляется образ соломенного чучела, которое выбрасывают в конце праздника в глубокий колодец или сжигают как символ зимы, как знак всего отжившего. Именно с этим чучелом начинает сравнивать себя обманутая героиня [1, с. 114].

Опираясь на концепцию Т. В. Чернышевой, обнаруживающей у сравнений функцию моделирования смысловой организации текста, функцию актуализации «подтекстовых смыслов» [15], мы придаем описываемому сравнению первостепенное значение в анализируемом художественном тексте (о феномене сравнения, о сравнениях со значением персонификации, о компаративных конструкциях см. также [16, 17]).

Деперсонифицированное (см. подробнее [18]) сравнение с чучелом закрепляется в сознании героини, в телефонном разговоре с мужем она чувствует, как будто чучело говорит «из нее»: «Снова этот ужасный оскорбительный тон, нет, я вовсе не хотела так разговаривать, это оно из меня говорило, соломенное чучело, такое ничтожное, такое отвратительное» [1, с. 116]. Деперсонификация поддерживается и сравнением героини самой себя с желтым цветком-хищником, заманивающим мужа в ловушку-капкан с помощью еды по рецепту тетушки Эмили из женского журнала: «Я желтый цветок со странным соцветием и длинным красным язычком, и сейчас он снова должен попасться мне на удочку, чуть-чуть закусок, тунец с горошком, будет сделано, тетушка Эмили, спасибо за прекрасный совет» [1, с. 115]. Самовосприятие и самооценивание героини под напором негативных сравнений и деперсонификации падают до критического минимума.

Деперсонификация теснейшим образом связывается в интраперсональном общении главной героини с изменением акцентов в си-

стеме личных местоимений: местоимение «она» (sie) начинает вытеснять местоимение «я» (ich), героиня ощущает себя третьей лишней в любовном треугольнике: «...и именно в эту минуту он бросил взгляд на часы и сказал: Скоро два часа, мне пора домой. Она ждет, подумала я. Она это я. Меня нельзя заставлять ждать. Меня бояться. Но это не самое главное. Самое главное здесь третье лицо. Я третье лицо, лишнее здесь, разрушитель спокойствия, “она”» [1, с. 114].

С точки зрения М. А. Корниенко, специфика внутренней речи заключается в том, что ее «держат» опорные сверхзначущие слова, которые переосмысливаются в процессе автокоммуникации [9, с. 85]. Такими словами-опорами выступают в рассказе, как мы предполагаем, именно местоимения «я» (ich) – «она» (sie), слияние которых в одной воображаемой точке обеспечивает перевоплощение героини, ее деперсонификацию, утрату собственного «я», видение себя через призму ненавидящих ее, как героине кажется, счастливых любовников. Если рассуждать с позиции, предложенной Ю. С. Степановым, т. е. расположить высказывания на оси «я»-предложения, «он»-предложения, «оно»-предложения, то можно наблюдать чисто грамматическую трансформацию: местоимение «я» как высшая ступень индивидуализации, которая может быть достигнута средствами языка [19, с. 165], переходит в процессе внутренней речи героини в третье лицо «он(а)», которое может связываться с именем существительным любого вида и типа – личным и вещным, индивидуальным и общим, прямым и трансформированным. Субъектом «он»-предложений могут выступать по Ю. С. Степанову как названия людей, животных, так и растений, абстрактных существей [19, с. 167]. С утратой «я» стираются и индивидуальные черты героини, ее самости (см. подробнее [20, с. 106–108]), героиня меняется, воображаемый мир проникает в реальную действительность так неотвратно, что признаки воображаемого невозможно не заметить: «Все время после полудня я пыталась выбраться из мрачного колодца, к вечеру мне это почти удалось, поэтому, когда Феликс вернулся домой, я засмеялась и сказала, я так раздраженно разговаривала с тобой по телефону, голова ужасно разболелась, но, слава богу, все прошло. Точно все прошло, ответил Феликс, ты так и светишься. И тут он вдруг спросил: А это что еще, и вытянул что-то из моих волос, длинную светлую соломинку – скажите на милость, откуда она здесь взялась?» [1, с. 118].

Неслучайно рассказ заканчивается тем, что супруг героини, ничего не подозревающий о переменах, произошедших всего за один день с его женой, находит в ее волосах соломинку. Финал рассказа остается открытым, неизвестно, победит ли воображаемое, переродится ли оно, например, в психическое заболевание героини (см. также о динамическом отношении между реальностью и воображением [21, с. 113–115]) или же уступит место реальному, оставив лишь пугающие воспоминания о своем вторжении.

Таким образом, можно сделать вывод, что внутренняя речь главного персонажа в коротком рассказе М. Л. Кашнитц «Соломинка», содержащая примеры деперсонификации, сравнения с неодушевленными предметами, избыливающая ассоциациями, отличающаяся транспозицией в системе личных местоимений, стимулирует сближение нереального и реального. Внутренняя речь персонажа может занимать, соответственно, промежуточную двойственную позицию между двумя мирами.

Список литературы

1. Кашнитц М. Л. Рассказы = Erzählungen. М. : Айрис-пресс, 2004. 138 с. (Немецкий клуб. Oberstufe).
2. Выготский Л. С. Мышление и речь: психологические исследования. М. : Лабиринт, 1996. 416 с.
3. Гальперин П. Я. К вопросу о внутренней речи // Доклады Академии педагогических наук РСФСР. 1957. № 4. С. 55–60.
4. Жинкин Н. И. Язык – речь – творчество (Избранные труды). М. : Лабиринт, 1998. 364 с.
5. Лурия А. Р. Язык и сознание / под ред. Е. Д. Хомской. М. : Изд-во Московского ун-та, 1979. 320 с.
6. Леонтьев А. А. Язык, речь, речевая деятельность. М. : Просвещение, 1969. 214 с.
7. Кольцова Е. А., Карташкова Ф. И. Функциональные особенности внутренней речи в лингвопрагматическом и психологическом аспектах // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2018. Т. 8, № 4. С. 55–73. <https://doi.org/10.15293/2226-3365.1804.04>, EDN: RZMVTZ
8. Лаврова С. Ю., Ермакова Л. А. Внутренняя речь персонажа как основной способ организации художественного дискурса Кадзуо Исигуро (на материале романа «Остаток дня») // Научный диалог. 2021. № 6. С. 92–112. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-6-92-112>, EDN: ICDNZQ
9. Корниенко М. А. Природа и особенности внутренней речи: культурфилософский аспект // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2018. № 31. С. 81–90. <https://doi.org/10.17223/22220836/31/8>, EDN: XZIOBF
10. Большая российская энциклопедия / науч.-ред. совет : Ю. С. Осипов [и др.]. URL: <https://old.bigenc.ru/literature/text/2054748> (дата обращения: 30.07.2024).
11. Белокурова С. П. Словарь литературоведческих терминов. СПб. : Паритет, 2006. 314 с.
12. Блох М. Я., Сергеева Ю. М. Внутренняя речь в структуре художественного текста. М. : Прометей, 2011. 180 с.
13. Богданов К. А. Очерки по антропологии молчания. Homo tacens. СПб. : Изд-во Русского христианского гуманитарного ин-та, 1998. 350 с.
14. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М. : Языки русской культуры : Кошелев, 1996. 464 с. (Язык. Семиотика. Культура).
15. Чернышева Т. В. Смысломоделлирующие функции сравнений в рассказах Г. Д. Гребенщикова: опыт функционально-стилистической интерпретации // Сибирский филологический журнал. 2018. № 1. С. 30–41. <https://doi.org/10.17223/18137083/62/3>, EDN: YTJOWM
16. Николина Н. А., Петрова З. Ю., Фатеева Н. А. Взаимодействие компаративных конструкций и их элементов в современной русской прозе // Слово. ру: балтийский акцент. 2021. Т. 12, № 3. С. 109–124. <https://doi.org/10.5922/2225-5346-2021-3-7>, EDN: AUJMIL
17. Петрова З. Ю., Фатеева Н. А. Словарное описание олицетворения как проблема поэтической лексикографии // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2019. Т. 18, № 1. С. 33–46. <https://doi.org/10.15688/jvolsu.2019.1.3>, EDN: YTSKLD
18. Косарина А. А., Федотова А. Е. Прием деперсонификации и олицетворения в произведениях англоязычных писателей конца XIX и начала XXI века на примере произведений Ч. Диккенса, Дж. Г. Балларда и Ч. де Линта // Вестник Московского государственного университета леса – Лесной вестник. 2013. № 5 (97). С. 143–147. EDN: RCPGAJ
19. Степанов Ю. С. Имена, предикаты, предложения: Семиологическая грамматика. М. : Наука, 1981. 362 с.
20. Корепина Н. А. Семантика личного местоимения первого лица // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2015. № 2–1 (32–1). С. 106–110. EDN: TYCPHR
21. Янь Куань. Динамика двоemiрия в романах Г. Газданова раннего периода творчества // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2020. № 2. С. 109–116. EDN: RDTGKW

Поступила в редакцию 06.08.2024; одобрена после рецензирования 16.10.2024;
принята к публикации 10.02.2025; опубликована онлайн 30.05.2025
The article was submitted 06.08.2024; approved after reviewing 16.10.2024;
accepted for publication 10.02.2025; published online 30.05.2025